

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.12>

Аверенкова Наталья Вячеславовна, Пашинцев Евгений Васильевич

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ "ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОЕКТА"

Крушение первого планового общества на рубеже столетий обнаружило тупиковость не только российской цивилизации, но и цивилизации вообще. Мы являемся свидетелями перехода человечества от истории анонимных социальных институтов, закрепляющих стихийную последовательность общественных формаций, к истории формаций культурно-исторического типа, где человеческий Дух становится полноправным участником исторического действия. Теоретическая фиксация этого процесса требует всесторонней разработки методологии культурно-исторического детерминизма. Авторы статьи приходят к выводу, что Россия с ее многовековым гуманистическим потенциалом стоит на пороге великой духовной революции, связанной с переходом от господства зрелого научного рационализма к доминированию новой духовной формации - общечеловеческой Морали.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 54-58. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ФИЛОСОФИЯ

УДК 103.2

Дата поступления рукописи: 16.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.12>

Крушение первого планового общества на рубеже столетий обнаружило тупиковость не только российской цивилизации, но и цивилизации вообще. Мы являемся свидетелями перехода человечества от истории анонимных социальных институтов, закрепляющих стихийную последовательность общественных формаций, к истории формаций культурно-исторического типа, где человеческий Дух становится полноправным участником исторического действия. Теоретическая фиксация этого процесса требует всесторонней разработки методологии культурно-исторического детерминизма. Авторы статьи приходят к выводу, что Россия с ее многовековым гуманистическим потенциалом стоит на пороге великой духовной революции, связанной с переходом от господства зрелого научного рационализма к доминированию новой духовной формации – общечеловеческой Морали.

Ключевые слова и фразы: российская цивилизация; русская культура; культурно-исторический детерминизм; мифология; религия; наука; общечеловеческая Мораль; «русская идея».

Аверенкова Наталья Вячеславовна, к.и.н., доцент
Челябинский институт путей сообщения –
филиал Уральского государственного университета путей сообщения
Naverenkova@usurt.ru

Пашинцев Евгений Васильевич, д. филос. н., доцент
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
Izobretatel49@mail.ru

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ «ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОЕКТА»

Сокрушительное поражение первого планового общества в борьбе за мировое лидерство не только породило ситуацию однополярного политического мира, но и обнаружило скрытый ранее тупик мировой цивилизации. Первая в мире социальная система, способная функционировать на уровне политического авторитета, казалось, ушла в историческое небытие. Напротив, диктатура властных отношений во всей своей социальной неприглядности выступила на поверхность исторических событий, заявив о себе в геополитическом масштабе. В этот драматический период новейшей истории выдвижение евразийской альтернативы новому «мировому порядку» кажется совершенно утопическим. Однако реальная граница между утопией и социальной практикой далеко не столь однозначна, как это представляется обыденному сознанию. Вот что писал по этому поводу выдающийся русский мыслитель В. С. Соловьев: «Смело можно сказать, что утопии и утописты всегда управляли человечеством, а так называемые практичные люди всегда были только их бессознательными орудиями» [11, с. 559].

Помимо грубого эмпирического давления, оказываемого на теоретическую мысль современной геополитической ситуацией, логика «евразийского проекта» сталкивается еще с одним, чисто концептуальным препятствием. Речь идет об естественных исторических границах социокультурного потенциала России. Если ни одна из «пассионарных» ментальностей Запада – ни древнееврейская религия, давшая монотеистический толчок христианству, ни древнегреческий рационализм с его неисчерпаемым богатством интеллектуальных интенций, ни предвосхитившая буржуазное право римская империя – не смогла повторить свой первоначальный творческий всплеск, то почему мировая история обязана сделать исключение для России? Ведь мы уже выяснили, что российская цивилизация, функционируя в режиме планово-бюрократического общества, достигла исторического потолка своего социального развития [1, с. 19-23]. Ответ на поставленный вопрос предполагает отчетливую теоретическую фиксацию сквозного противоречия русской национальной истории начиная с эпохи Петра Первого. Речь идет о глубинном гносеологическом расхождении между тупиковой институциональной логикой развития российской цивилизации и неограниченными духовными интенциями великой русской культуры. Иными словами, действительное культурное содержание «русской идеи» отнюдь не сводится к идеологическому обеспечению тоталитарной социальной практики. Напомним гениальное пророчество Л. Н. Толстого: «Дело, предстоящее русскому народу, в том, чтобы развязать грех власти, который дошел до него» [12, с. 223].

Что же представляет собой та, созревшая веками «русская идея», которая никак не укладывается в прокрустово ложе нынешних либеральных реформ? В нашей отечественной философии русскую идею традиционно связывают с православием. «Русская идея, – писал В. С. Соловьев, – не может быть ничем иным,

как некоторым определенным аспектом идеи христианской» [10, с. 199]. И действительно, религия как исторически закономерная ступень в развитии общечеловеческого духа представляет собой своеобразную духовную «национализацию» разрозненных языческих верований. Благодаря системе православных ценностей на русской земле появился единый масштаб для соизмерения неповторимых человеческих индивидуальностей. Вот почему исторический акт Крещения Руси – это не просто приобщение восточных славян к православной религии, это обретение ими национального самосознания. «Византийский дух, – писал К. Н. Леонтьев, – византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [6, с. 307]. Разумеется, эта общесоциологическая закономерность применима ко всем народам, достигшим уровня государственного развития, поскольку производство общественного сознания становится здесь объективной социокультурной необходимостью.

Несмотря на громадные исторические преимущества перед языческим мировоззрением, религия как первая форма идеологии имеет и свои исторические минусы. Религиозная дисциплина духа, направленная не только на обуздание плоти, но и на преодоление греховности человеческих помыслов, неизбежно связана с утратой первоначальной свободы духа. Не случайно христианство на Руси пустило корни далеко не с первого захода, несмотря на все усилия княжеской власти. Только Крещение Руси киевским князем Владимиром (Красное Солнышко) явилось свидетельством того, что наша национальная культура созрела для перехода на более высокую ступень духовного развития. Но и здесь, как показывает историко-философский анализ, языческий дух не до конца уступил свои позиции. Вот мнение на этот счет православного русского мыслителя Г. П. Федотова: «Мы лучше всех культурных народов сохранили природные, дохристианские основы народной души» [13, с. 391]. С этой точкой зрения полностью солидарен великий русский поэт А. Блок, который утверждал, что христиане мы только наполовину, а наполовину – язычники.

Попробуем теперь ответить на самый трудный и мучительно болезненный вопрос: какую роль в поступательном развитии российского исторического духа сыграла победоносная пролетарская революция? Поразительно, но факт: ни семидесятилетнее господство исторического материализма, ни сегодняшний санкционированный властью религиозный ренессанс не научили нашу общественную мысль уважать имманентные законы культурно-исторического процесса. Увлеченные лихорадочным пафосом ниспровержения марксизма, либерально настроенные идеологи не заметили второго великого «крещения» Руси – «крещения» ее научным мировоззрением. Если культура Западной Европы совершила гигантский шаг вперед, перейдя от религиозного мирозерцания к естественно-научному постижению мира, то Россия от средневекового способа мышления шагнула сразу к социологическому знанию. Историческое расстояние между князем Владимиром и Владимиром Лениным – это и есть культурная дистанция между религией и социальной наукой.

Научное отрицание религии представляет собой восстановление на качественно новой исторической основе предшествующего – мифологического – этапа в развитии мировой культуры. Неудивительно, что западноевропейские народы поистине с языческим упоением стали доказывать себе и другим, что «знание – это сила». Что касается запоздавшего на интеллектуальный пир русского народа, то он стремился доказать всему миру, что единственной истинной наукой является марксизм. Отсюда – ускоренное превращение аграрной России в индустриальную державу, культурная революция в поголовно неграмотной стране, рывок от рыночной стихии к плановому ведению хозяйства. Подчеркивая языческий напор революционной энергии народа, С. Л. Франк с изрядной долей религиозной ревности писал: «Русская революционная вера в разум есть до последнего предела довершенный нигилизм, отрицание всяческих высших, сверхчеловеческих начал» [15, с. 331]. К слову сказать, культура западных народов преодолевала издержки голого рационализма отнюдь не за счет восхождения к «сверхчеловеческим началам», а благодаря погружению в пучины бессознательного, в силу чего теория и практика психоанализа во многом заменили западному индивиду традиционные формы этической ориентации. В прямо противоположном направлении развивалась российская культура в ходе советского «эксперимента», поскольку крушение затянувшегося русского средневековья было особенно бурным и разрушительным. Исследование данного процесса средствами психологической науки подтверждает данный социологический вывод: «Большевизм начинается с другого конца. Бессознательное, стихийное лишается всякой ценности. Достоинство существования лишь то, что осознает себя в соответствии с единственно верной научной теорией» [18, с. 245]. Удерживаемая с помощью социального «заказа» от погружения в глубины бессознательного советская культура сохранила за собой резерв для восстановления высших этажей национального самосознания. Что и засвидетельствовала стихийно возникшая в конце 80-х годов прошлого столетия известная дискуссия между «физиками» и «лириками».

В этом пункте мы обязаны остановиться и зафиксировать, пожалуй, самую фундаментальную проблему современного гуманитарного познания, а именно: является ли рациональная культура мышления последней исторической ступенью в развитии общечеловеческого духа? Ответ, безусловно, отрицательный. Уже к середине XX столетия эпоха торжества человеческого разума, провозглашенная мыслителями XIX века, пришла в вопиющее противоречие с новой культурно-исторической реальностью. Оказалось, что мощь человеческого интеллекта способна стать самодовлеющей социальной силой и в качестве таковой обернуться против самого человека, его цивилизации и культуры, его ближайшего природного окружения. Подтверждая античеловеческий характер современного рационального мышления, выберем из всей совокупности общеизвестных фактов наиболее типичные примеры. Вот самый краткий перечень «неограниченной» интеллектуальной экспансии зрелого научного рационализма, а именно: изобретение чудовищных по своей технической эффективности средств массового уничтожения человека; экологическая безответственность современного

научно-технического прогресса; аморальность социологических методик, известных под кодовым названием «шоковые терапии»; наконец, иррациональная логика тех гуманитарных исследований, которые направлены на доказательство изначальной привилегированности «избранных» этносов и рас. Обобщая эти факты «негативной» духовной эволюции человеческого рода, мы приходим к выводу, что историческая ограниченность зрелого рационализма имеет не только социальные причины, но и внутренний гносеологический источник. Возникновение абстрактно обезличенной, безжалостно инструментальной формы человеческой духовности, закрепляемой в культурных матрицах научного рационализма, имеет вполне конкретные социально-исторические основания. Речь идет о последствиях культурно-исторической «интериоризации» процесса овеществления общественных отношений – отношений, сложившихся в условиях становления буржуазной цивилизации. Итогом этого овеществления стало превращение обезличенных товарно-денежных отношений во всеобщую культурно-эмпирическую парадигму, которая, в свою очередь, послужила непосредственной социально-психологической основой возникновения профессионально объективированного способа мышления. Поскольку речь идет о социокультурных особенностях техногенной цивилизации, то не удивительно, что данная специфическая взаимосвязь между общественным бытием и общественным сознанием получила отчетливое выражение именно в рамках исторического материализма. Вот буквальное, текстуальное воспроизведение этой овеществленной связи: «...современная наука является необходимым историческим этапом освоения действительности со стороны ее вещности, независимости от человека» [10, с. 192]. С этой исторической точки зрения становится особенно заметен обезличенный, инструментальный характер современного научного рационализма. Подобно анонимным формам сосуществования людей внутри урбанизированного социума, мир рациональных символов поражает сегодня своим безлюдьем и жесткой иерархической структурой.

К социально-эмпирическим аргументам добавим несколько субъективных подтверждений того, что историческое господство рационалистической формы духовности близится к своему завершению. Вот мнение К. Ясперса по поводу исторического заката зрелого рационализма: «Важным шагом XX в. было отпадение от Логоса, от идеи мирового порядка» [18, с. 501]. Отрицая универсальный духовный статус зрелого научного рационализма, П. Фейерабенд писал о науке: «Это одна из многих форм мышления, разработанных людьми, и не обязательно самая лучшая. Она ослепляет только тех, кто уже принял решение в пользу определенной идеологии или вообще не задумывается о преимуществах и ограничениях науки» [14, с. 450]. Еще более радикальная позиция в отношении научного рационализма принадлежит М. Хайдеггеру, который, не колеблясь, утверждал: «...есть более строгое мышление, чем понятийное» [16, с. 216]. Понятно, что «более строгим» мышлением является то, которое охватывает все ментальное разнообразие духовной культуры, включая сюда ее религиозные, нравственные и эстетические интенции, а не только особенности рационального «дискурса».

Философская критика современного «чистого разума», позволяющая очертить социокультурные границы рационализированной культуры, требует ответа на второй фундаментальный для гуманитарного познания вопрос: какова природа той духовной формации, которая идет на смену зрелому научному рационализму? В поисках ответа попытаемся выделить в чистом виде основную направленность того культурного вектора, который просматривается в развитии современной социогенной цивилизации. Мы увидим, что разрушительные последствия всех основных форм рационализма – научно-технического, буржуазно-прагматического и государственно-бюрократического – свидетельствуют о том, что человечество стоит на пороге величайшей духовной революции. Анонимная и безжалостная мощь спрессованного в логические формулы коллективного человеческого интеллекта исчерпала свои конструктивные исторические возможности. Требуется переход к такой духовной формации, которая смогла бы очеловечить инструментальное могущество голого рационализма и одновременно приблизить к реальному существованию людей потустороннее царство религиозного гуманизма. Опираясь на универсальный для теоретического мышления закон отрицания отрицания, мы можем уже сегодня определить основной гносеологический вектор культурно-исторической эволюции общечеловеческого Духа. А именно: грядущая духовная формация будет восстановлением на качественно новой исторической основе религиозной культуры мышления. Еще в начале двадцатого столетия русский религиозный мыслитель С. Л. Франк писал: «Наступает или должна наступить эпоха подлинной зрелости человеческого духа, одинаково чуждой и суровой трансцендентной духовной дисциплине его детства в лице средневековья и бунтарскому блужданию его юношеского периода» [15, с. 340]. Продолжающиеся поныне «бунтарские блуждания» человеческого духа – это, конечно, характеристика научного рационализма; при этом следует заметить: юношеский период рационалистической культуры уже давно сменился периодом зрелости, а подростковая нечувствительность к экзистенциальным проблемам до сих пор сопровождает все формы научного творчества – от конструирования оружия массового поражения до современной геномной инженерии. Вот почему только синтез научного и религиозного мировоззрений позволит очеловечить науку и снять мистическое покрывало с религиозной колыбели человеческой совести. Но эмоционально окрашенная гуманистическая вера в человека, опирающаяся на рациональную трезвость и инструментальную мощь научного мышления, – это и есть не что иное, как зрелая общечеловеческая Мораль в высочайшем и позитивном значении этого слова.

Какое же отношение имеет русская идея к процессу становления новой духовной формации? Аналитический потенциал, накопленный дореволюционной русской философией, со всей определенностью свидетельствует: русская идея есть моральная идея. В автобиографической работе «Самопознание» Н. А. Бердяев писал: «Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре» [3, с. 98]. Подчеркивая интернациональную направленность национальной русской культуры, Ф. М. Достоевский

в своей речи о Пушкине высказал убежденность в том, что «ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено» [4, с. 146]. При этом религиозные истоки русской культуры отнюдь не покрывают все смысловое поле русской ментальности. Отмечая неразрывную связь русского типа гуманизма со свободой духа, И. А. Ильин писал: «Русская идея есть идея свободно созерцающего сердца» [5, с. 438]. Именно поэтому нравственную сердцевину русской идеи составляет не религиозное смирение, а идея абсолютного добра. «Русский человек, – писал Н. О. Лосский, – обладает особенно чутким различием добра и зла; он зорко подмечает несовершенство всех наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра» [7, с. 241].

Идея абсолютного добра – это и есть то духовное зерно, из которого произрастает величественное древо зрелой общечеловеческой Морали. Подобно тому, как абсолютная идея Гегеля символизировала наступление эпохи зрелого рационализма, подобно этому русская идея абсолютного добра является предвосхищением будущего духовного господства общечеловеческой Морали. Пройдя отрезвляющую школу научного мышления, идея абсолютного добра предъявляет сегодня абсолютные моральные требования не только к человеческому сознанию, но и к человеческому бытию. От человеческого духа она требует того высочайшего уровня нравственного самосознания, когда, выражаясь словами Ф. М. Достоевского, нельзя признать даже общечеловеческого счастья, если в фундаменте его лежит хотя бы одна слезинка замученного ребенка. От совместного бытия людей идея абсолютного добра требует той степени социального и технического совершенства, которая делает общественное бытие достойным человека. «Есть уровень нищеты, незащитности, материальных страданий, перед которыми должны умолкнуть все вопросы о смысле культуры» [13, с. 403], – писал философ и богослов Г. П. Федотов. Глубоко символично, что эту трезвую «историко-материалистическую» мысль высказал религиозный мыслитель, особенности конфессиональной культуры которого должны были бы удерживать его в рамках внеисторической добродетели.

Есть истины, которые не обладают блеском абсолютной новизны: логическая структура их прозрачна, а терминологические контуры просты и очевидны. Однако неторопливое погружение в их бездонные глубины поражает наше воображение больше, чем феерические вспышки логического остроумия. К такого рода истинам, неодолимо притягивающим современную теоретическую мысль, относится идея зрелой, общечеловеческой Морали – морали не религиозной, не буржуазной, не бюрократической и даже не пролетарской. Эта новая социокультурная реальность, закладывающая идеологическую основу универсальной солидарности людей, противоречит всем традиционным навыкам социального мышления людей, привычно маневрирующего между постулатами абстрактного религиозного гуманизма и конкретными расчетливыми построениями трезвого рационализма. Вот как немецкий философ К. Ясперс, обладающий незаурядной нравственной интуицией, описывает трудности перехода человечества к эпохе универсальной солидарности людей: «Идея коммуникации – не утопия, а вера. Для каждого возникает вопрос, стремится ли он к этому и верит ли он в это, верит не как в нечто потустороннее, а как полностью присутствующее: в возможность для нас, людей, действительно жить друг с другом, говорить друг с другом, найти благодаря этой совместимости истину и только на этом пути действительно стать самими собой?» [18, с. 508]. Именно поэтому теоретическое описание новой, еще неведомой духовной формации, высвобождающейся из многообразия своих предысторических оболочек, является важнейшей и наиболее трудной задачей современного гуманитарного познания.

Список источников

1. **Аверенкова Н. В., Пашинцев Е. В.** Цивилизация России: становление, специфика и перспективы развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 19-23.
2. **Бердяев Н. А.** Душа России // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 295-312.
3. **Бердяев Н. А.** Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 446 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Пушкин // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 136-146.
5. **Ильин И. А.** О русской идее // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 436-443.
6. **Леонтьев К. Н.** Византизм и славянство // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. М.: Кн. палата, 1993. С. 297-364.
7. **Лосский Н. О.** Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
8. **Наука и нравственность:** сборник статей. М.: Политиздат, 1971. 440 с.
9. **Панарин А. С.** Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с.
10. **Соловьев В. С.** Русская идея // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 185-204.
11. **Соловьев В. С.** Философское начало цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. 912 с.
12. **Толстой Л. Н.** Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 22. 559 с.
13. **Федотов Г. П.** Письма о русской культуре // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 379-419.
14. **Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.
15. **Франк С. Л.** Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 324-340.
16. **Хайдеггер М.** Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
17. **Эткинд А. М.** Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. 376 с.
18. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

HUMANISTIC CONTOURS OF THE “EURASIAN PROJECT”

Averenkova Natal'ya Vyacheslavovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Chelyabinsk Institute of Railway of the Ural State University of Railway Transport
Naverenkova@usurt.ru

Pashintsev Evgenii Vasil'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk
Izobretatel49@mail.ru

The collapse of the first planned society at the turn of the centuries revealed the impasse not only of the Russian civilization, but of the civilization in general. We are witnessing the transition of mankind from the history of anonymous social institutions, which consolidate the spontaneous sequence of social formations, to the history of cultural-historical type formations, where human Spirit becomes a full participant of historical action. The theoretical fixation of this process requires the comprehensive development of the methodology of cultural and historical determinism. The authors of the article come to the conclusion that Russia, with its centuries-old humanistic potential, is on the verge of a great spiritual revolution connected with the transition from the rule of mature scientific rationalism to the domination of a new spiritual formation – universal Moral.

Key words and phrases: Russian civilization; Russian culture; cultural and historical determinism; mythology; religion; science; universal Morality; “Russian idea”.

УДК 167.7

Дата поступления рукописи: 16.06.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.13>

Статья представляет собой попытку оценки условий и механизмов использования синергетики в качестве постнеклассической парадигмы юридической науки, обладающей значительным потенциалом, в условиях поликонцептуальности развития теории познания правовых явлений и процессов. Предметная область охватывает познавательный потенциал синергетики в отраслях публичного права. Публичные отрасли права предоставляют возможность раскрыть потенциал методологии синергетики в наибольшей степени, поскольку предполагают широкий круг субъектов права, приоритет диспозитивных норм правового регулирования. Результатом исследования становится выявление ограничений и перспектив развития методологии синергетики в отраслях публичного права. Отмечается, что основным противоречием становится системный характер отраслей права, позволяющий сохранить их относительную устойчивость и обеспечить своевременность разрешения коллизий. Однако увеличение разрыва между формальной нормой и фактическими механизмами правоприменения в общественных отношениях на уровне государства и муниципальных образований влечёт за собой кризис системной методологии, выход на потенциал процессов самоорганизации в условиях неопределённости и непрогнозируемости правовых явлений и процессов.

Ключевые слова и фразы: публичные отрасли права; синергетика; самоорганизация; правовая реальность; народ; местное сообщество; народовластие; хаос; флуктуация; аттрактор.

Безвиконная Елена Владимировна, д. полит. н., доцент
Омский государственный педагогический университет
bezvikonnaja@rambler.ru

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНЕРГЕТИКИ В ПУБЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА

Синергетика как парадигма постнеклассической науки находится в процессе своего становления в контексте концептуализации методологии современных общественных наук. Универсализм потенциала синергетики становится причиной распространения попыток методологического осмысления процессов самоорганизации как способности системы приспособиться к внешним воздействиям, найти наиболее действенные пути достижения консенсуса внешней и внутренней среды в развитии социальной системы [10]. Несмотря на сохраняющиеся тенденции концептуального плюрализма, синергетическая парадигма демонстрирует свою актуальность в связи с приоритетом концептуального уровня научного познания общественных процессов и ограниченности попыток выхода на парадигмальный уровень. Юридическая наука оказалась включена в данные тенденции, несмотря на наличие принципиального противоречия – приоритет системного (институционального) подхода к осмыслению правовой реальности через призму структурно-функционального единства норм, институтов и отраслей права. Отражением системного подхода становится ключевой компонент правовых отношений – «правовая система» как совокупность правовых процессов и явлений, урегулированных правовыми нормами [7, с. 18]. Однако мировоззренческий уровень правовой системы остаётся одним из наиболее уязвимых, поскольку системный подход не позволяет оценивать проявления процессов самоорганизации, выражающихся в наличии противоречий между нормами права и их реализацией, в границах правовой реальности. Попытки в рамках системного по своему содержанию и формам выражения либертарно-